

ЛОЗУНГ «ВЕЛИКАЯ, ЕДИНАЯ И НЕДЕЛИМАЯ РОССИЯ» И ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СОЮЗНИКОВ В ОФИЦИАЛЬНОЙ И ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ БЕЛОЙ СИБИРИ (ИЮНЬ 1918 г. – ДЕКАБРЬ 1919 г.)

Работа выполнена при поддержке РГНФ (исследовательский проект № 14-01-00395 «Государственная идеология антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы революции и Гражданской войны: роль медийного дискурса в институционализации политической власти и формировании информационного пространства»).

Выявляется роль идеи «единой, великой и неделимой России» в процессе восприятия политики стран Антанты в отношении России и формирования образа союзников на страницах правительственной периодической печати востока России в период Гражданской войны. Делается вывод о том, что уверенность лидеров и идеологов антибольшевистских сил в то, что союзники обязаны помочь Белому движению, привела к искаженному восприятию политики стран Антанты и обернулась в конечном счете крахом надежд и разочарованием в идеях единства и общности интересов России и западных стран.

Ключевые слова: Лозунг «Единая, Великая и неделимая Россия»; союзники; периодическая печать; Временное Сибирское правительство; Правительство А.В. Колчака; пропагандистский образ.

Антибольшевистские силы, в отличие от своих противников, не имели четко оформленной идеологической платформы. Это выражалось в том, что информационное пространство на территориях, находившихся под контролем белых, отличалось многообразием и динамизмом составляющих его элементов – образов, идеологов, мифов. Периодическая печать востока России периода Гражданской войны отражает существовавшее многообразие идей и мнений, которые отстаивали политические группировки, входившее в пестрый конгломерат антибольшевистских сил в Сибири и на Дальнем Востоке.

Созданные летом 1918 г. на территории Сибири структуры власти, используя печать, стремились донести до масс основные идеи, которые отстаивали белые, сформировать положительный образ Сибирского, впоследствии Временного Всероссийского Правительства и Российского правительства сконструировать новую национально-государственную идентичность в противовес пропаганде большевизма.

Результатом всплеска интереса к истории белого движения в 1990–2000-е гг. стало обращение исследователей к изучению идеологии и пропагандистской деятельности антибольшевистских сил. Данным проблемам посвящены работы Г.А. Бордюгова, В.Д. Зиминной, В.В. Журавлева, Н.И. Наумовой, В.П. Слободина, А.И. Ушакова, В.П. Федюка, Д.Н. Шевелева, В.Д. Шелохаева. Ключевым в идеологии белого движения являлся лозунг «Единая, Великая и неделимая Россия». Представители отечественной историографии, говоря о значении и роли данного лозунга в содержании идеологии Белого движения, отмечают размытость и наличие противоречий в его трактовке даже среди самих белых.

Идея «единой, великой и неделимой России», занимая центральное место в пропагандистской риторике официальной печати, оказывала сильное влияние на процесс формулирования ряда других идей, концепций и пропагандистских образов, игравших важную роль в системе ценностей белого движения. На страницах официальных и проправительственных

газет происходило конструирование образов и концептуализация идей. Вместе с тем пресса использовалась для их последующей передачи в виде пропагандистских установок. Таким образом, материалы печати дают богатый материал для реконструкции содержания идеи «единой, великой и неделимой России» в том виде, в каком ее понимали идеологи антибольшевистских правительств белой Сибири.

Для более целостного и глубокого анализа содержания лозунга и выявления заложенных в него смыслов необходимо рассматривать его в контексте других идеологов, которые играли важную роль в информационно-пропагандистской деятельности белых.

Проблема взаимоотношений России с Антантой не сходилась со страниц официальной и проправительственной периодической печати белых на протяжении всего периода Гражданской войны. Незатухающий интерес к союзникам был обусловлен, с одной стороны, их противоречивой политикой в отношении России, с другой – надеждами и стремлением правительств белой Сибири заручиться поддержкой бывших соратников по Первой мировой войне. Формировавшийся в прессе востока России образ союзников являлся неотъемлемой частью правительственных пропагандистских кампаний и также использовался в развертывании и трансляции ряда идеологов.

Данный образ претерпел значительные трансформации, изучение которых поможет пролить свет на процесс формирования представлений сибирской общественности о внешнем мире. Рассмотрение лозунга «Единая, Великая и неделимая Россия» и образа союзников во взаимном контексте позволит уточнить содержание обеих идеологий и охарактеризовать степень влияния одной на другую.

Цель данной работы заключается в выявлении роли идеи «единой и неделимой России» в процессе восприятия союзной политики в отношении России и формирования образа союзников на страницах правительственной периодической печати востока России в период Гражданской войны.

В ходе Великой войны официальная правительственная пропаганда стремилась сформировать у российской общественности положительный образ стран Антанты. Однако на фоне усталости общества от войны образ союзников, «воюющих до последней капли крови русского солдата», приобретал все больше отрицательных черт. На фоне революционных событий 1917 г. в сознании широких слоев населения укоренилось мнение, что союзники стремятся использовать Россию и ее народ только лишь для собственных интересов [1. С. 50].

Поскольку большевики, на которых лежала ответственность за заключение «позорного» Брестского мирного договора, считались пособниками Германии, развернувшаяся на территории России Гражданская война интерпретировалась как возобновление боев на восточном фронте мировой войны. Исходя из этого, антибольшевистские силы стремились использовать положительный образ союзников для получения поддержки с их стороны, ведения пропаганды против большевиков и формирования собственного положительного имиджа. Так, кадетская газета «Свободная Сибирь» в июне 1918 г. обвиняла большевиков в том, что, заключив мир с немцами, они «испортили наши отношения с нашими прекрасными, свободолюбивыми союзниками», которые «так дружно выручали нас в трудные минуты, и которые теперь дерутся только за Россию». «Союзники могли бы помириться с Германией и вполне вознаградить себя за счет России за все понесенные ими жертвы. Но, по мнению автора статьи, они прекрасно понимают, что при таком мире создавалась бы военная гегемония Германии, которая диктовала бы всему миру свою волю». Вследствие этого «возобновление дружественных отношений союзниками и оказание им помощи в борьбе с немцами» определялось как неотложная задача России и Сибири [2].

В своем обращении к союзникам от 10 августа 1918 г. Временное Сибирское правительство заверяло, что все договоры и обязательства перед державами Антанты обязательны для Сибири, как и для прочих частей России, и что «во имя общероссийских и союзных интересов, Сибирская Армия готовится к совместной с союзниками мировой борьбе». Правительство при этом объявляло Сибирь «частью нераздельной России» (курсив мой. – К.К.). Это указывало на то, что оно стремится говорить от лица всей страны и не допускает ни малейшей возможности ее распада [3].

Уничтожение большевизма и восстановление порядка на территории России, по мнению противников большевиков, зависели от того, как скоро будет разбита Германия.

Представитель партии народной свободы Л.А. Кроль, выступая на Государственном совещании 12 сентября 1918 г., связывал возрождение «великой, единой и неделимой России» с необходимостью немедленного продолжения войны Россией «бок о бок с союзниками» [4]. Вследствие этого правительственная, либеральная и левая печать востока России приветствовала начало союзной интервенции, считая ее совместной операцией против «германо-большевиков». Иркутские кадеты на страницах газеты

«Свободный край» заявляли, что «вопрос об устроении единой, великой и неделимой России является таким, к выполнению которого устремлены все наши помыслы». «Германский империализм» и советская власть объявлялись препятствиями для достижения данной цели, поэтому «...тот, кто протянет руку помощи в борьбе нашей с этой властью, окажет нам величайшую услугу и на деле выявит свои дружеские чувства» [5].

Одной из первых инициатив Российского правительства адмирала А.В. Колчака, пришедшего к власти в результате переворота 18 ноября 1918 г., стало принятие на себя всех денежных обязательств царского и Временного правительств. Новая власть, объявляя себя правопреемницей названных правительств, легитимность которых союзники не подвергали сомнению, рассчитывала на то, что и она будет признана Антантой. В выпущенной в связи с окончанием мировой войны Декларации правительство благодарило союзников за то, что те «принудили Германию отказаться от Брестского мира, обязали ее очистить русские земли и прекратить расхищение русского народного достояния». Данный шаг рассматривался как залог того, что «ожидающая воссоединения Россия получит возможность возвысить свой голос при мирных переговорах и внести свою долю участия в устроении жизни народов на новых, незыблемых основах тесного содружества» [6].

Формирование положительного образа союзников в контексте рассуждений о величии и единстве России позволяло белым обосновывать необходимость присутствия войск интервентов в условиях изменений политической ситуации, которые последовали после заключения перемирия между Антантой и Германией в ноябре 1918 г.

Каждый элемент лозунга «Единая, Великая и неделимая Россия» нес в себе определенный набор смыслов и при этом мог быть истолкован достаточно свободно. Заложенные в данных элементах смыслы создавали определенный контекст, в рамках которого происходило наделение образа союзников теми или иными чертами и характеристиками.

Идея **величия** России, как отмечает В.Д. Зимина, расшифровывалась каждым участником Белого движения по-своему. Положение о величии «никогда не воспринималось однозначно как возврат к дофевральскому образцу правления» [7. С. 93]. Вместе с тем, с точки зрения международного положения, возрождение величия России трактовалось как возврат в период ее наивысшего могущества, восстановление статуса великой державы и равных отношений с союзниками. Победа стран Антанты в мировой войне давала на это надежды.

19 ноября 1918 г. Управляющей иностранных дел в правительстве А.В. Колчака Ю.В. Ключников в беседе с журналистами отметил, что «условия перемирия дают России возможность считать, что ни одно из обещаний ее союзниками не забыто, что она ими не покинута и снова может стать великой и сильной». «Международная обстановка, по словам управляющего, сложилась таким образом, что сильная Россия

нужна всем. Она – необходимое условие международного равновесия и вместе с тем условие образования Лиги Наций, или Лиги государств, которая, по благородному почину президента Вильсона, должна быть создана как итог войны и предотвращение будущих войн» [8]. Тезис о том, что мощная, возрожденная Россия нужна союзникам, впоследствии активно применялся в пропагандистской риторике. Подобные рассуждения должны были убедить читательскую аудиторию – иностранцы не бросят белое движение, борьба антибольшевистских сил за «возрождение величия» страны, несомненно, справедлива и будет поддержана цивилизованным мировым сообществом. Основанием для такой поддержки, по мнению белых, являлась общность целей и ценностей. Будущая Россия мыслилась как демократическое государство, хотя «все рассуждения о демократии носили весьма пространственный характер» [6. С. 95]. Победа стран Антанты в мировой войне олицетворяла собой победу демократии и права над авторитаризмом, «хищничеством и насилием в международной политике». Выступая с речью на собрании «Союза Возрождения», посвященном окончанию мировой войны, Г.К. Гинс заявлял: «Победа союзников – это победа тех идей, которым поклоняется возрождающаяся Россия» [9]. Возвращение обновленной, демократической России в когорту великих держав рассматривалось как вполне закономерный итог войны. «Неисчислимые жертвы», которые несла Россия в ходе войны, обеспечивая победу союзной коалиции, давали ей, по мнению белых, право на получение союзной помощи. Данная помощь, как отмечалось в газете «Правительственный вестник», «является одним из результатов общей победы, порядочная доля которой принадлежит, по общему признанию союзников, нам – русским» [8]. Белые, таким образом, продолжали опираться как на положительные, так и отрицательные стереотипы, заложенные еще во время мировой войны. Сформировавшееся к 1917 г. убеждение в том, что успехи Антанты куплены ценой огромных жертв России, изначально выставившее союзников с негативной стороны, в новых условиях использовалось для того, чтобы доказать необходимость помощи антибольшевистскому движению.

Другой негативный стереотип – мнение о расчетливости и неискренности западных держав – в новых условиях служил почвой для рассуждений о том, что иностранцам с точки зрения экономики выгоднее иметь отношения с сильной Россией. Так, в газете «Русская речь» отмечалось, что «союзники должны учесть не только необходимость содействовать водворению порядка в стране и торжеству в ней начал права; они, несомненно, должны учесть и свои интересы, во имя которых им надлежит оказать помощь России». Интересы эти были связаны с тем что «Россия представляла и теперь, после мировой войны, не только интересный, но и необходимый для союзников рынок для покупки сырья и для сбыта продуктов своей промышленности» [10]. Помимо этого, в прессе указывалось на то, что Франция и Британия – крупнейшие кредиторы России – заинтересованы в ее вос-

создании, «ибо только единая, великая Россия, спаянная прочным правопорядком, в состоянии выполнить свои обязательства как должник» [11].

Продолжая верить в то, что союзники крайне заинтересованы в оказании помощи белым в деле возрождения величия России, политические и общественные круги белой Сибири порой чересчур оптимистично воспринимали те или иные их внешнеполитические шаги. В мае – июне 1919 г. произошел обмен телеграммами между Омском и союзниками по вопросу о признании Правительства А.В. Колчака. Тогда же в прессе появилась информация о том, что Югославия уже признала данное правительство как всероссийское. «Югославия является всецело почти созданием Англии и Франции, совершенно ясно, что правительство ее не решилось бы на такой важный шаг в международной политике без согласия держав покровительниц», – считала газета «Военные ведомости». Исходя из того, что две этих державы дали свое согласие на признание Омского правительства Югославией, редакция газеты делала вывод: «стало быть, они и сами не далеки от этого» [12]. Однако признание, которое расценивалось как «первый шаг международного решения ввести вновь Россию в круг великих держав и помочь ей вернуть то положение, которое она занимала ранее», в конечном счете так и не состоялось.

Тезис о *единстве* следует рассматривать как минимум в двух значениях. Первое подразумевало территориальное единство страны, в данном случае смыкаясь с понятием неделимость / нераздельность России, выражало идею сохранения целостности государства. Другое значение термина «единство» подразумевало, как отмечает В.П. Слободин, «общенациональное объединение всех слоев российского общества» [13. С. 71]. Большевистским лозунгам интернационализма и классовой солидарности пролетариата белые стремились противопоставить идею «духовного, политического единства русской нации при ее разноплеменном составе» [14], которая подразумевала национальное, межклассовое и межпартийное единение.

Приветствуя помощь союзников, печать отмечала разобщенность сибирского общества. «Каждая из партий полагает, что союзники окажут помощь именно ей, – писала газета «Воля Сибири», «“демократические части общества” и правые круги, так называемые “монархисты”, оглядываются на союзников и ждут от них помощи не для России, как цельного государства, а для своей партии» [15].

Вместе с тем «государственно-мыслящая» печать вынуждена была с сожалением констатировать: «...наша судьба, устройство российской государственности перешли в чужие, хотя и дружественные руки», «опека налицо», и за нее «придется расплачиваться», что «не особенно лестно для нашего национального самолюбия» [16]. И кадеты, и левые утверждали: для того чтобы избавиться от опеки, перестать быть «объектом» международных отношений и выстроить равные партнерские отношения с союзниками, необходимо создание на очищаемой от большевиков терри-

тории сильной и поддерживаемой массами власти. Заострение внимания на том, что осуществляемая с благими целями интервенция союзников на деле является очередным унижением России, являлось сознательным давлением на «болеую точку», попыткой разбудить угасший патриотизм в среде сибирской общественности, заставить прекратить партийные склоки, сплотиться вокруг центральной власти и активизировать борьбу с большевиками.

Третья составляющая лозунга – *неделимость России*. Представления лидеров и идеологов антибольшевистского движения по вопросу о возможных вариантах государственно-территориального устройства будущей «великой России» различались. Однако большинством из них нераздельность России понималась как «обязательное восстановление и соблюдение территориальной целостности Российского государства и довоенных границ 1914 г.» [7. С. 90].

На протяжении 1919 г. в прессе неоднократно появлялись публикации с критикой союзников. Причиной тому послужила противоречивая политика держав в отношении России. Предложение президента США В. Вильсона созвать конференцию всех российских правительств для переговоров на Принцевых островах в начале 1919 г., отсутствие официальной делегации от России на мирных переговорах в Версале и непризнание Правительства А.В. Колчака со стороны Запада – все это отрицательно влияло на имидж союзников.

Сибирская печать пристально следила за ходом мирной конференции. Авторы статей, посвященных анализу международного положения, пытались предугадать, какова будет роль России в будущей системе международных отношений. По словам Н.В. Устрялова, новый мировой порядок оказался «не таким уж и новым». Причина тому – тот факт, что «проект суверенной “Лиги Народов” не осуществляется в своей принципиальной законченности и цельности, вершителями международной политики остаются по-прежнему “великие державы”. Снова всплывают на сцену знакомый принцип “международного равновесия”...». В этих условиях, по мнению идеолога Омского правительства, «сильная Россия становится существенно необходима миру». Подобный вывод делался на основании уверенности в том, что каждая из группировок великих и малых держав, появление которых считалось неизбежным, будет заинтересована в привлечении на свою сторону России [17].

Сохранение территориальной целостности России считалось обязательным условием для достижения ею прежнего величия. В связи с этим особое беспокойство политических кругов белой Сибири вызывал вопрос о статусе бывших окраин Российской империи, приобретших независимость. Стремление создать вокруг России «санитарный кордон» из малых государств расценивалось как угроза стабильности Европы и мира в будущем. «Все одинаково видят неясности в планах всемирного мирового концерта, – писала в июле 1919 г. газета «Русь», – «и все одинаково ответят на эти неясности словами резолюции кадетов: “Политика, преследующая цели расчленения России,

откуда бы она ни исходила, будет всегда рассматриваться русским обществом как враждебная русскому народу и его жизненным интересам”». Ибо такая политика несет не мир, а меч. Ибо вне единой и неделимой России прочный мир – пустая утопия», – заключал автор статьи [18].

«Расчлененная Россия, Россия разрозненная и разрезанная на множество мелких кусочков – это вечная угроза миру и миру – это новые Балканы, способные в любой момент взорвать все здание международного благополучия», – гласила редакционная статья газеты «Свободный край». Решение судьбы России без участия населяющих ее народов считалось не только «проявлением бестактности», «грубым нарушением всех норм международного права и попранием демократических принципов», но и «самым жестоким уничтожением тех результатов, которые достигнуты войной, прелюдией к новой кровавой симфонии, значительно более трагической, чем только что оконченная» [19].

Рассуждения об опасности разделения России сопровождались тезисом о том, что окончательное установление мира в Европе невозможно, пока в России продолжается Гражданская война, и были адресованы как российской общественности, так и союзникам. Квалифицируя «большевизм настоящего, ставший опаснее кайзеризма прошлого», как «зло не только русское, но и мировое», печать призывала союзников через участие в восстановлении России бороться за стабильность Европы. Однако в то время, как белые, по их мнению, сражались за «мировую культуру и высокие идеалы права и справедливости, которыми жило и живет человечество», [20] «сильные мира сего» предпочитали усердно культивировать и навязывать маленьким народностям России «самоопределение», больше нужное не «самоопределяющимся», а «самоопределяющим». Что, по словам кадетской печати, вызывало «жгучее чувство горечи и тяжелой незаслуженной обиды каждого русского гражданина» [21].

Понимание того, что ожидание признания и широкой помощи от союзников становится все более бессмысленным, заставляло «государственно-мыслящую» печать говорить о том, что не стоит ждать милостей от союзников и в большей степени опираться на свои силы. Во второй половине 1919 г. белые продолжали рассчитывать на иностранную экономическую и военно-техническую помощь, однако повсеместным стало разочарование в союзниках, выражавшееся на страницах газет. Циркуляция в печати различного рода сведений о стремлении держав не вмешиваться в дела России и многочисленные факты некорректного поведения интервентов привели к тому, что вновь, как и в 1916–1917 гг., образ «благородных союзников» потускнел и трансформировался в образ расчетливых дельцов, использующих русский народ в своих интересах.

В то же время предпринимались попытки поиска рационального объяснения того, почему союзники не оказали серьезной поддержки антибольшевистским силам. Так, в одной из статей издания Русского Бюро Печати «Русское дело» указывалось на то, что союз-

ники не смогли осознать большевизм как орудие борьбы германского генштаба и сделать вывод о необходимости продолжения вооруженной борьбы против большевиков в России [22]. Иностранцы, по мнению белых, просто не понимали сути большевизма и недооценивали его «опасность для всего цивилизованного мира».

Согласно другой, более радикальной точке зрения, союзники попросту надеялись «залить красный интернационал исключительно русской кровью» [23]. Тезис о том, что сильная Россия выгодна и нужна Западу, был вытеснен мнением, что союзными державами «методически, последовательно подготавливается раздел России по знаменитой формуле «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов» [24], поскольку «единая и великая Россия не входит в планы единых и великих Англии, Франции и Америки» [25]. В обоих случаях делался неизбежный вывод: «Суровая действительность разочаровала нас насчет единства “европейской культуры”, во имя которой велась Великая война, кончившаяся сепаратным миром наших союзников с Германией. Наше дело – русское дело, и никто нам не поможет в нем, кроме нас самих» [26]. Положение о необходимости опоры на собственные силы в конечном счете стало лейтмотивом пропагандистской риторики официальной печати вплоть до падения режима А.В. Колчака.

Идея «единой, великой и неделимой России», таким образом, оказала сильное влияние на восприятие внешней политики стран Антанты. Стремление антибольшевистских сил получить поддержку со стороны бывших союзников по мировой войне выразилось в формировании положительного образа союзников в печати и поисках обоснования для их вмешательства в Гражданскую войну в России на стороне белых.

Публикации, в которых утверждалось, что сильная, единая Россия выгодна союзникам экономически и необходима для сохранения баланса сил в послевоенной Европе, были адресованы как российской общественности, так и самим союзникам. Если в первом случае подчеркивание солидарности белых правительств и стран Антанты служило укреплению престижа антибольшевистских сил, то во втором должно было подтолкнуть союзные страны к более активной политике в отношении России. Уверенность в том, что союзники разделяют идеи белых относительно необходимости величия и территориального единства России, привела к искаженному восприятию политики стран Антанты и созданию их идеализированного образа. Опираясь на возрожденные стереотипы о «благородных союзниках», сложившиеся в период мировой войны, белые зачастую выдавали желаемое за действительное. Вера лидеров антибольшевистских сил в то, что союзники обязаны им помочь, обернулась в конечном счете крахом надежд и разочарованием в идеях единства и общности интересов России и западных стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поршнева О.С.* Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 43–52.
2. *Святой долг* // Свободная Сибирь. (Красноярск). 1918. 23 июня.
3. *Сибирский вестник*. (Омск). 1918. 24 авг.
4. *Сибирский вестник*. (Омск). 1918. 13 сен.
5. *Свободный край*. (Иркутск). 1918. 20 окт.
6. *Декларация Российского правительства* // Правительственный вестник. (Омск). 1918. 10 дек.
7. *Зимина В.Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. 467 с.
8. *Международное положение России и государственная власть* // Правительственный вестник (Омск). 1918. 21 ноя.
9. *Россия во время и после войны* // Правительственный вестник (Омск). 1918. 29 ноя.
10. *Русская речь* (Новониколаевск). 1918. 15 ноя.
11. *Свободный край* (Иркутск). 1918. 12 ноя.
12. *Военные ведомости* (Новониколаевск). 1919. 28 мая.
13. *Слободин В.П.* Белое движение в годы Гражданской войны в России (1917–1922 гг.). М.: МЮИ МВД России, 1996. 80 с.
14. *Свободный край* (Иркутск). 1919. 4 июня.
15. *Воля Сибири* (Красноярск). 1918. 25 окт.
16. *Свободный край* (Иркутск). 1918. 11 сен.
17. *Международная перегруппировка* // Правительственный вестник. 1919. 16 марта.
18. *Русь* (Омск) 1919. 10 июля.
19. *Свободный край* (Иркутск). 1919. 28 июня.
20. *Военные ведомости* (Новониколаевск). 1919. 1 авг.
21. *Свободный край* (Иркутск). 1919. 15 авг.
22. *Железный закон* // Русское дело (Омск). 1919. 9 окт.
23. *Союзники и Россия* // Забайкальская новь (Чита). 1919. 2 дек.
24. *Переговоры* // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 11 дек.
25. *Союзная арифметика* // Наша газета (Иркутск). 1919. 3 дек.
26. *Русское дело* // Наша газета (Томск). 1919. 31 окт.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 мая 2015 г.

THE SLOGAN “GREAT, UNIFIED AND UNDIVIDED RUSSIA” AND THE FORMATION OF THE IMAGE OF THE ALLIES IN THE OFFICIAL AND PRO-GOVERNMENT (PERIODICAL) PRESS OF THE WHITE SIBERIA (JUNE 1918 – DECEMBER 1919)

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 80–85. DOI: 10.17223/15617793/399/14

Konev Kirill A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Keywords: slogan “Great, Unified and Undivided Russia”; Allies; periodicals; Siberian Provisional government; Government of A.V. Kolchak; propaganda image.

Periodicals published during the Civil War in Siberia and the Far East reflect the existing diversity of ideas and opinions that political groups, parts of anti-Bolshevik forces in the East of Russia, defended. The idea of the “Great, Unified and Undivided Russia” was central in the propaganda rhetoric of the official press and had a deep influence on the process of formulating of a number of other ideas and propaganda images that played an important role in the value system of the White movement. The official and pro-government newspapers designed images and conceptualized ideas. At the same time, the press was used for the following translation of these images and ideas in the form of clear propaganda orientations. Thus, the press materials provide an abundant material for the reconstruction of the content of the idea of “Great, Unified and Undivided Russia” as understood by the ideologists of the anti-Bolshevik governments of the White Siberia. For a more holistic and in-depth analysis of the content of this idea, it is necessary to consider it in the context of other ideologemes that played an important role in the advocacy of the White. The problem of relations between Russia and the Entente did not leave the pages of the official and pro-government periodicals of the White throughout the period of the Civil War. The unflagging interest towards the Allies was caused, on the one hand, by their contradictory policy in reference to Russia, on the other hand, by the White Siberia governments’ striving to enlist the support of the whilom allies in World War I. The aim of this article is to identify the role of the idea of “Unified and Undivided Russia” in the perception of the allies’ policy towards Russia and the formation of the image of the allies on the pages of government’s periodicals of the East of Russia during the Civil War. Each element of the slogan “Great, Unified and Undivided Russia” carried a certain set of meanings and, at that, could be interpreted quite freely. The meanings inherent to these elements created a specific context in which the image of the allies was endowed with some traits and characteristics. Evaluating the policy of the Allies in the context of the idea of the greatness of the country, the White believed that the Entente countries were interested in the re-establishment of a strong Russia. The return of a renewed, democratic Russia to the cohort of the Great Powers was considered as quite a logical outcome of World War I. The press also noted that a unified Russia, welded by the law and order, will become one of the guarantors of safety and stability in the post-war Europe and a profitable economic partner for the West. The leadership of the anti-Bolshevik governments actively opposed the recognition of independence of the outskirts of the former Russian Empire. The policy of the Allies, aimed at creating a number of “buffer states” around Russia, engendered the discontent of the White. The lack of official recognition of the Government of A.V. Kolchak by the Allied Powers intensified this discontent. Gradually, in their propaganda rhetoric, the White began to increasingly emphasize the necessity to rely on their own strength and not to wait for support from the Allies. The persuasion that the Allies shared the ideas of the White concerning the necessity of the greatness and territorial unity of Russia led to an awry perception of the Entente policy. The certitude of the anti-Bolshevik forces that the Allies were obliged to help them resulted, at long last, into a collapse of hopes and disappointment in the ideas of the unity of Russia and Western countries.

REFERENCES

1. Porshneva, O.S. (2014) Evolution of the popular image of the Allies in the 1917 revolutionary Russia. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 1 (42). pp. 43–52. (In Russian).
2. Anon. (1918) Svyatoy dolg [Sacred duty]. *Svobodnaya Sibir'*. 23 June.
3. *Sibirskiy vestnik*. (1918). 24 August.
4. *Sibirskiy vestnik*. (1918). 13 September.
5. *Svobodnyy kray*. (1918). 20 October.
6. Russian Government. (1918) Deklaratsiya Rossiyskogo pravitel'stva [Declaration of the Russian Government]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. 10 December.
7. Zimina, V.D. (2006) *Beloe delo vzbuntovavsheysya Rossii: Politicheskie rezhimy Grazhdanskoy voyny 1917–1920 gg.* [The White business of the rebellious Russia: Political regimes of the Civil War of 1917–1920]. Moscow: RSUH.
8. Russian Government. (1918) Mezhdunarodnoe polozhenie Rossii i gosudarstvennaya vlast' [The international position of Russia and the government]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. 21 November.
9. Russian Government. (1918) Rossiya vo vremya i posle voyny [Russia during and after the war]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. 29 November.
10. *Russkaya rech'*. (1918). 15 November.
11. *Svobodnyy kray*. (1918). 12 November.
12. *Voennye vedomosti*. (1919). 28 May.
13. Slobodin, V.P. (1996) *Beloe dvizhenie v gody grazhdanskoy voyny v Rossii (1917–1922 gg.)* [The White movement during the Russian Civil War (1917–1922)]. Moscow: MYuI MVD Rossii.
14. *Svobodnyy kray*. (1919). 4 June.
15. *Volya Sibiri*. (1918). 25 October.
16. *Svobodnyy kray*. (1918). 11 September.
17. Russian Government. (1919) Mezhdunarodnaya peregruppировка [International realignment]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. 16 March.
18. *Rus'*. (1919). 10 July.
19. *Svobodnyy kray*. (1919). 28 June.
20. *Voennye vedomosti*. (1919). 1 August.
21. *Svobodnyy kray*. (1919). 15 August.
22. Anon. (1919) Zheleznyy zakon [The iron law]. *Russkoe delo*. 9 October.
23. Anon. (1919) Soyuzniki i Rossiya [The Allies and Russia]. *Zabaykal'skaya nov'*. 2 December.
24. Anon. (1919) Peregovory [Negotiations]. *Sibirskaya zhizn'*. 11 December.
25. Anon. (1919) Soyuznaya arifmetika [The Allies arithmetic]. *Nasha gazeta*. 3 December.
26. Anon. (1919) Russkoe delo [Russian business]. *Nasha gazeta*. 31 October.

Received: 06 May 2015